

32

6 Стена
С-Пб

6 ОКТЯБРЯ 2000 г.,

(N 217 (22722))

Внутри и Снаружи

ПЕРСОНА

“Почему я не князь Мышкин?”

КАК только Нижинский появился в Петербурге, образ южных городов, крикливых и ярких, померк. Его заволокло туманом столицы. Вдоль улиц тянулись ряды коричнево-красных домов. По лестнице, где пахло шами и кошками, надо было спуститься во двор, чтобы из него попасть на Моховую улицу. Пройдя по ней и свернув у Цирка, можно было подойти к Театральной улице. Но можно было свернуть к Пантелеймоновской и выйти на неожиданно пустынный простор.

ОДНОКАШНИКИ быстро окрестили Япончиком скуластого, раскосого мальчика со странной фамилией Нижинский. Прозвище осталось за ним до выпуска и зазвучало особенно обидно, когда Россия вступила в войну с Японией. Он так никогда и не привык к школьным сверстникам, хотя все к тому располагало. Обязанность быть вместе, наоборот, усугубляла его одиночество. Эта пора протекала в училище особенно трудно оттого, что всякое общение между девочками и мальчиками запрещалось. Жизнь на разных этажах, встречи только на уроках балльных танцев и поддержки - все обостряло ранние романы: во время танцев из руки в руку передавали скомканные записки, пользовались кодом улыбок, при том что уличенных беспощадно наказывали.

Нижинский боялся этих разговоров. Не думая заводить “предмет” на половине девочек, стесняясь и сторонясь их, он вынашивал некий смутный,

но совершенный образ любви. Потому ему было страшно и скверно слушать мальчиков, которые, замечая это, нарочно щеголяли при нем грубостью.

Не умея давать отпор, он еще больше замыкался. Потом, в момент острой вспышки болезни, перед тем как навсегда оградиться от мира застывшей, безумной улыбкой, он написал в дневнике: “Я плакал в душе, но слезы не появлялись... Я часто плакал в одиночестве и был счастлив иметь отдельную комнату. Я думал, что стал взрослым, потому что у меня была своя комната. В отдельной комнате я мог долго плакать”... и читать книги. Он переписывал произведения других петербуржцев, Пушкина и Гоголя, наивно веря, что научится писать так же. “Я многое

переписал так, пока не понял, что это глупо... Я прочитал “Идиота” Достоевского, когда мне исполнилось восемнадцать лет, и понял его значение”.

Понял, может быть, не все, но героя полюбил как идеал, до которого пробовал подняться. Подняться хоть немного. Вровень стать не удалось никогда, а общее наметилось и ошеломило.

Начало конца

В 1911 году петербургский театр потерял Нижинского, но весь мир обрел Петрушку, за спиной которого маячили тени героев русского искусства. Невидимые нити связывали его персонаж с маленьким человеком Пушкина, Гоголя, Достоевского и многими современными героями, чье натульное кривляние так же скрывало душу, захлебнувшуюся от страха и горя. Роль Петрушки выросла у Нижинского в роль века, поскольку вобрала в себя собственную трагедию и трагедию времени: Петербурга, России, человечества.

Тогда Нижинский нетерпеливо ждал конца зарубежных гастролей. Он и сам не знал, как крепко связан с городом, где учился и впервые вышел на сцену. Когда прошел последний спектакль, он спешно отправился на вокзал в надежде скоро обрести Петербург. При встрече Дятлев показал телеграмму... в Петербурге их никто не ждал. Два человека, каждый по-своему, всматривались в мираж поманившей и обманувшей родины. Россия больше чем когда-нибудь виделась Нижинскому землей обетованной, ход в которую заказан...

Ваца + Аня = ...

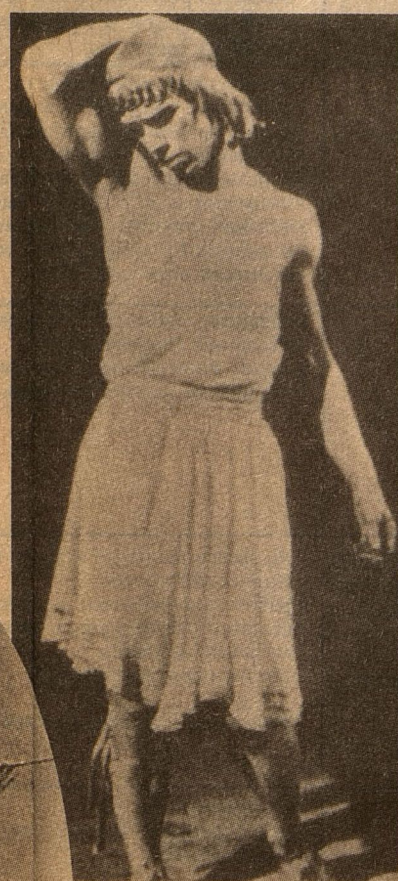
Несмотря на все возрастающую популярность обоих танцовщиков и общие спектакли, Павлова всякий раз будто не замечала Нижинского. Не в пример Кшесинской она дипломатично не умела и досадовала, что мальчишка сорвал самый большой успех. Она не любила делить популярность и, увы, ревновала к славе Нижинского.

Нижинский чувствовал, что Павлова едва ли радуется новым встречам с ним. Эталон партнер для фанатичной и жесточайшей эгоистки был мужчиной, который мог бы сложить свой талант у ног балерины. И все же ему хотелось встретиться с Павловой в “Жизели”.

Его мечта сбылась. Но прима была не в духе и, как обычно, на репетициях третировала партнера, давая понять, что ей безразлична его репутация мировой знаменитости. Он молча сносил ее капризы и колкости. Премьера состоялась в Петербурге, который такого представления “Жизели” прежде не видел. И может быть, из всех утраченных им ценностей русского балета эта потеря была наибольшей. В Лондоне спектакль прошел несколько раз, став одной из отправных точек для создания английского балетного те-

томная прима холодно протянула партнеру руку, который запечатлел на ней прощальный поцелуй.

Помимо капризного, ревнивого характера Павловой были и другие препятствия для развития отношений между вчерашними партнерами по сцене. Муза русского балета была практична. Она умела обговаривать условия с антрепренерами, умела окружить себя людьми, которые обеспечивали ей прибыль и творческий покой. Кроме того, при видимой воздушности и хрупкости Павлова была на редкость вынослива.

мет другая: добрая и милосердная, такая же одинокая, как и он сам.

Это случилось в 1912 году, когда в поле зрения венгерской девушки по имени Ромола Пульска появился Нижинский. “Русский балет” так увлек Ромолу, что она не пропустила ни одного спектакля и под конец влюбилась в смуглого танцовщика. Своенравная девушка, к тому же обладавшая незаурядной волей и упорством, объявила родственникам, что начинает заниматься балетом и покидает дом в надежде попасть в труппу Мариинского театра. Ей действительно удалось познакомиться со многими членами труппы и задарить многих из них подарками. То был “ход конем”: какая-никакая, а все-таки возможность быть ближе к Нижинскому.

Танцовщик знал, что его следует девушка, с некоторых пор появлявшаяся всюду, куда бы ни поехала труппа. Он раздражался, встречая ее в самых неожиданных местах, даже придумал злую забаву, то и дело не узнавая свою таинственную “незнакомку”.

Путешествуя из Парижа в Кале, она возникла в коридоре против открытой двери купе Нижинского. Во время следующего переезда она вновь оказалась рядом.

На одном из балов кто-то снова подвел ее к нему и снова их познакомил. Нижинский

стоял на палубе, опершись на перила, и как бы со стороны, оценивая, смотрел на молодую девушку... На следующий день он сделал ей предложение.

10 сентября 1913 года Вацлав Нижинский и Ромола Пульска были повенчаны. Каково же было изумление молодой супруги, когда мужчина, ее мечта, отправился спать в свои покои, проводив новобрачную до дверей спальни. На следующее утро Ромола появилась у покоев мужа, но тот прошел мимо, не обернувшись и не узнав ее. Так проходила жизнь супругов.

“Сумасшедший божий клоун”

19 января 1919 года публика увидела последний танец Нижинского: “Зрители пришли, чтобы позабавиться, и думали, что я танцую для их удовольствия. Мои танцы испугали их. Они боялись меня, решив, что я хочу убить их. Я не хотел. Я любил всех, но никто не любил меня, и я стал нервен и возбужден... Я танцевал плохо. Я упал, когда не следовало... Я хотел продолжить танец, но Бог сказал мне: “Довольно”. Я остановился... Я любовь, а не зверство. Я не кровожадное животное. Я есть человек... Бог ищет меня, а поэтому мы находим друг друга... Я - Бог Нижинский”. Вердикт профессора был: шизофрения.

В 1929 году, за несколько месяцев до смерти, уже безнадежно больной Дятлев привез на очередное представление “Петрушки” безнадежно помешанного Нижинского. Он надеялся, что музыка и действие балета расшевелит память тела, вызовет отклик в затуманенном мозгу. Его надежды не оправдались. Создатель роли Петрушки не узнал на сцене своего двойника, впрочем, как и самого Дятлева...

Закончилась первая половина жизни Нижинского - танцовщика и хореографа. Вторая половина длилась еще много лет и тоже была богата событиями. Но в них Нижинский участвовал сам как Петрушка. На лице куклы закрепилась улыбка, тело отработало ограниченную механику движений. Иногда душа напоминала о себе пронзительными криками, буйством беспомощных и бесцельных протестов.

Так странствовало тело, не душа “клоуна Бога”, как называл себя в дневнике Нижинский. Хождение по мукам закончилось последним танцем. Долгожданный выход в свободу осуществился единственно возможным для него путем...

Татьяна РОМАШЕНКОВА

атра. Но исполнители главных партий уже не встретились вновь. Павлова-актриса и Павлова-человек противостояли друг другу. И назавтра после заключительного выступления элегантная и

Свадьба

Напряженные отношения с Павловой не особо расстраивали Нижинского: если его не принимала она, значит, при-